

Л. В. Левшун

доктор филологических наук,
профессор кафедры стилистики английского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

«АБЕРРАЦИИ АДЕКВАТНОСТИ» В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ ПО ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Речь пойдёт о последствиях того, что А. В. Михайлов в своё время определил как «*операцию обратного проецирования*», при которой «чужой для нас исторической ситуации мы приписываем способность подчиняться нашим понятиям и представлениям»¹. В своей известной монографии «Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей» Александр Викторович заметил: «...в истории культуры могут происходить резкие изменения, *переосмысления*², которые осознаются лишь много времени спустя или вообще не осознаются <...> Главный метод истории культуры как науки — это *обратный перевод* постольку, поскольку вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания. Итак, надо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места»³.

Объём статьи, разумеется, не позволит здесь и сейчас поставить все вещи на их первоначальные места, однако я попытаюсь указать хотя бы на некоторые ставшие привычными и едва ли не аксиоматичными в научном обороте «вещи», которые на самом деле поставлены не только на «чужие места», но ещё и с ног на голову. Очевидно, что слишком многие учебные программы и учебники для всех ступеней современного гуманитарного образования предлагают для усвоения учащимися понятия, несомненно получившие терминологический статус, но,

¹ Михайлов А. В. Несколько тезисов о теории литературы. Стенограмма доклада, сделанного 20 января 1993 года на заседании Научного совета ОЛЯ РАН «Теория и методология литературоведения и искусствознания // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М., Наследие, 2001. С. 215.

² Здесь и далее специально не оговорённое выделение курсивом — наше. — Л.Л.В.

³ Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 16.

тем не менее, нуждающиеся в существенных уточнениях, поскольку не определены ни их состав, ни объем, ни атрибутивные признаки, то есть нет собственно научной их дефиниции. И причина здесь, думается, в глубоких концептуальных и методологических ошибках, приведших, по словам А. В. Михайлова, к «предельному переосмыслению содержания» тех культурных феноменов, которые гуманитаристика описывает и исследует. Такие переосмысления я определяю как «абберации адекватности». Остановлюсь на наиболее, на мой взгляд, значимых.

Прежде всего, нужно отметить четыре серьезных концептуальных изъяна в подаче учебного материала.

1) Отождествление фактографии с научным описанием: современные учебные программы и создаваемые на их основе учебники дают массу самостоятельного и самодовлеющего фактографического материала, никак не связанного или совсем мало связанного причинно-следственными связями. Пополняя эрудицию учащихся, давая ответы на вопросы «что?», «где?», «когда?» и, реже, — «как?», современные учебники, однако, крайне редко пытаются ответить на самый важный вопрос — «почему?», а если и пытаются, то делают это, используя «операцию обратного проецирования». Но чаще вопрос «почему?» вовсе не ставится, как и цель научить задаваться таким вопросом; вместо выводов даётся подведение итогов.

Вот примеры из пособий, взятых наугад.

В одном из них автор подводит итоги (которые, по-видимому ему самому кажутся выводами) в разделе, посвящённом развитию белорусского летописания: «Все эти моменты (индивидуальная манера рассказывать, авторская манера оценки описанных событий, мотивация поступков персонажей. — Л. Л.) в средневековой прозе постепенно усиливались в течение времени, секуляризовались, что, в свою очередь, в конце концов привело к постепенной трансформации летописных произведений в исторические повести, частные мемуары и произведения синкретического жанра (? — Л.Л.). Последние — своеобразные, они находятся между летописью и мемуарами. Первый ещё живёт, но он уже на пороге исчезновения, а вторые только что начинают появляться на свет, а потому ещё питаются традициями летописей и во многом подобны им»¹.

В другом взятом наугад из Сети пособии видим подобного рода «вывод», касающийся особенностей развития белорусского рассказа XX века: «В целом белорусскому рассказу начала XX века свойствен-

---

¹ Таранеўскі В. У. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVII стст. Віцебск: Выд. УА «ВДУ ім. П.М. Машэрава», 2006. С. 12. Здесь и далее перевод с белорусского языка мой. — Л.Л.

нен синтез фольклорного и философского, лирического и эпического начал»¹.

А вот авторы пособия по истории культуры Беларуси отказались даже и от подведения итогов, ограничившись перечислением и кратким описанием наиболее значимых, на их взгляд, фактов, сопровождаемым насыщенным иллюстративным рядом².

2) Порочный консерватизм: ошибка или натяжка, некогда сделанная, возможно, случайно (или же наоборот — умышленно), считается доказанной или же не требующей доказательств очевидностью, системно возводится в незыблемое правило и не обсуждается; исправить такую ошибку удаётся порой (если вообще удастся) лишь через несколько «поколений» учебных программ и учебников. Приведу лишь один, но весьма показательный пример: князь Всеслав Брючиславич Полоцкий, охарактеризованный авторитетным историком XIX века как чародей (думается, не без умысла принизить значение этой личности), теперь почти во всех белорусских учебниках (да и в научном обиходе), причём по разным гуманитарным дисциплинам, гордо называется Чародеем с большой буквы с заверениями, что такое прозвище дано ему было восхищенными его деяниями современниками.

3) Отстранённость: для изучения предлагается не «живой» феномен культуры, а его аватар или даже симулякр — привычная и удобная, часто весьма идеологизированная и (или) политизированная схема; то есть изучается по сути не само явление, а представление об этом явлении, сложившееся в той или иной научной школе или у того или иного признаваемого авторитетным (а значит, непогрешимым) исследователя. И даже знакомство с первоисточниками в этом случае далеко не всегда помогает, ибо образ и смысл первоисточников уже «задан» общепризнанной интерпретацией.

Например, архиепископ Антоний (Мельников) в своей статье о преподобной Евфросинии Полоцкой предположил, что «младший из сыновей знаменитого Всеслава Полоцкого <...> не получил никакого удела и потому жил в самом Полоцке при своём старшем брате — князе Борисе Всеславиче»³, по-видимому, вместе со своей

---

¹ Астарух А. Э. Гісторыя беларускай літаратуры (пачатак XX стагоддзя): Вучэбна-метадыч. дапам. Гродна: ГрДУ, 2002. С. 15.

² См.: Хромчанка Дз. М. Гісторыя культуры Беларусі: Вучэбна-метадычны дапаможнік. Электронны вучэбны матэрыял / Пад.рэд. У. А. Бажанавы. Мінск: Выд. БНТУ, 2015. 430 с.

³ Антоний (Мельников), архиепископ. Преподобная Евфросиния Полоцкая. Богословские труды. Сб. 9. М., 1972 С. 8.

женой, и значит, будущая подвижница должна была родиться в Полоцке. Несмотря на то что это предположение ничем не подкрепляется (в том числе и текстами всех сохранившихся редакций жития преподобной) и в общем противоречит традиционному для Древней Руси (известному по летописям) обычаю наделения сыновей уделами, представление о рождении преподобной Евфросинии именно в Полоцке прочно вошло не только в церковный, но и в научный обиход, не только в учебники по различным гуманитарным дисциплинам, но и в культурно-историческое сознание белорусов. Апелляция к тексту жития приводит к прямо противоположному результату, ибо читаемый во многих списках фрагмент «бысть князь в граде Полотске именем Всеслав, той имеа сыны многы. И беша у него меньший сын именем Георгий, от негоже родися сия блаженная отроковица» однозначно воспринимается как доказывающий правомерность предположения архиепископа Антония.

4) Конвенциональность: многие понятия, которыми пользуется гуманитаристика, превращаются в пустую оболочку, о смысле которой можно только условиться, и значит, при каждой новой конвенции смысл этот будет иным и — в чём главная сложность — непредсказуемым, что чрезвычайно усложняет (если вообще не уничтожает) возможность научить чему бы то ни было. Проблема усугубляется ещё и тем, что в число таких «конвенционных» понятий входят, казалось бы, всем известные и понятные: «книга», «литература», «канон», «национальная культура», «цивилизация». «государственность» и т. д. Ещё хуже то, что процесс согласования разных конвенций подчас отождествляется с научным исследованием.

Концептуальные «абerrации адекватности» порождают целый ряд методологических.

1. Одна из самых серьёзных, на мой взгляд, — отождествление типологии и периодизации, сопровождающееся убеждением в том, что «более примитивные типы» развиваются в более сложные и совершенные. Это убеждение порождает и подпитывает идеи эволюции и прогресса, которые по сути своей чужды гуманитарной сфере, а значит изучающим её дисциплинам.

Отец Александр Мень, размышляя об истории культуры, весьма пронизательно отметил: «Человек всегда стоял на какой-то духовной платформе <...> Прекрасное в истории человеческой культуры всегда было прекрасным. У него была история, то есть были различные фазы, различные *типы* искусства и духовности, но развития в том смысле, что вот это искусство было примитивным, а потом оно под-

нималось всё выше и выше, не было...»¹; «в ноосфере уже нет больше эволюции, а есть История. Религия, искусство, этика скорее живут в человечестве, чем развиваются в эволюционном смысле <...> в чисто духовном творчестве человек стоит вне биологической эволюции, что вполне понятно с библейской точки зрения. “Адам”, т. е. целокупная душа человечества, “вышедшая из рук Творца”, должна была быть свободна от несовершенства природного мира и идти по своему собственному пути»².

Эту идею развил А. Б. Зубов. В своих «Лекциях по истории религии» он пишет так: «Человек существует как бы в двух планах: как физическое существо, как существо, обращённое к внешнему миру, человек развивается; как духовное существо <...> человек пребывает — не развивается, а пребывает <...>; как духовное существо он совершенен и может лишь деградировать, падать, опускаться, но в своих высочайших подъёмах он не развивается <...> а вот в плане внешнем человек развивается, всё лучше и лучше осваивая среду обитания» (лекция 1-я)³.

Между тем во всех современных учебных курсах по гуманитарным дисциплинам идеи прогресса и эволюции как принципы подачи материала превалируют: искусство представляется как развивающееся от примитивного к совершенному; при этом образец совершенного выбирается по критериям, порождённым современным мышлением, а за критерий оценки по умолчанию принимается соответствие или несоответствие ценностям современной секулярной культуры.

Например, как не требующая доказательств очевидность преподносится тот факт, что культура слова развивалась от «примитива» древней книжности к изысканному совершенству новейшей литературы. Однако таковое представление в корне неверно; причём можно привести по крайней мере два солидных аргумента, его опровергающих: во-первых, вряд ли кто-нибудь безусловно согласится с тем, что, скажем, библейские книги (в учебниках попадающие, как правило, в раздел «Устное народное творчество») примитивнее произведений современных авторов; во-вторых, в любой синхронии любой культуры, в том числе и современной, всегда сосуществуют и «примитив»,

¹ Мень А. В. Мировая духовная культура, христианство, церковь: лекции и беседы. М.: Нижегородская ярмарка, 1995. С. 22.

² Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 2: Магизм и Единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. М.: СП «Слово», 1991. С. 382.

³ Зубов А. Б. Лекции по истории религии. Изд. Альпина Диджитал, 2016. 107 с. // MyBook [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/andrej-zubov/lekcii-po-istorii-religij/read/?page=2>. Дата обращения: 10.01.2020.

и «изыск». Так что теория прогресса в отношении истории литературы и культуры в целом, как и порождаемый этой теорией строго хронологический принцип подачи материала, откровенно вводят учащихся в заблуждение и не дают ничего для адекватного понимания закономерностей культурного развития. Более того, они приводят к явным, хотя, как видится, не осознаваемым составителями программ, казусам пренеприятнейшего свойства. Так, в белорусской гуманитаристике фольклор подаётся как «заготовка» средневековой книжности, а эта последняя (своего рода «недолитература») — как «заготовка» новой и новейшей национальной литературы; и вместе с тем утверждается, что формирование нации и «поиски национальных ценностей» в XVIII веке происходили на фольклорном субстрате; то есть, если следовать этому прогрессивно-хронологическому принципу, получается, что национальная литература возникает на основе «недо-недо-литературы»? Не значит ли это, что на такой основе и формироваться должна была «недо-недо-нация»? И куда, спрашивается, подевались восемь веков отечественной книжной традиции?

На основе такого подхода христианская культура постоянно отождествляется со средневековой, и это совершенно неверное отождествление никак не объясняется и не аргументируется. Отсюда многие парадоксы в структуре учебных материалов. Так, *древнерусская (средневековая) христианская книжность* рассматривается как «заготовка» классической русской литературы, но в курсах современной литературы современная христианская книжность не изучается и даже не упоминается, как будто она осталась в Средневековье; средневековая *иконопись* подаётся как «заготовка» светской портретной живописи, но в учебных курсах по искусству Нового и Новейшего времени современная иконопись не рассматривается — она тоже осталась в Средневековье; *ренессансный гуманизм* представляется как более развитая форма христианского — средневекового! — гуманизма; и т. д.

Тем же отождествлением типологии и периодизации объясняется и устойчивое *представление о гомогенности средневековой культуры* как «более примитивного этапа» развития современных культур. С. С. Аверинцев, например, всю европейскую литературную культуру IV века до н. э. — XVIII века н. э. характеризовал как «рефлексивно-традиционалистскую»¹, а А. В. Михайлов, соглашаясь с утверждением С. С. Аверинцева, объединил более чем двухтысячелетнюю историю европейской культуры понятием единой «морально-риторической

---

¹ Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1991. С. 11.

системы»¹. Д. С. Лихачёв обосновал эти точки зрения представлением о едином «эстетическом коде» и «стиле мышления» древнерусской культуры, Ю. М. Лотман — «эстетикой тождества» в гносеологии. Поэтому столь привычны в медиевистических и культурологических исследованиях такие определения, как «средневековый художественный метод»², «чисто средневековый тип духовно-эстетического отношения»³, «средневековый сакральный текст», и здесь же «средневековый тип <...> отношения к проблеме знака»⁴, «набор категорий <...>, присущих средневековому сознанию»⁵, «молитвенная практика средневековья»⁶; «древнерусской литературе присущ один художественный метод»⁷ и т. д.

С литературоведами вполне солидарны искусствоведы и философы: «Вплоть до зарождения в древнерусском искусстве каких-либо направлений (в XVII веке) художественный метод его был единым, — утверждает, ссылаясь на исследования В. В. Бычкова, один из авторитетнейших искусствоведов Г. К. Вагнер, — так как обуславливался единством христианско-средневековой гносеологии»⁸.

Однако все эти утверждения, во-первых, не учитывают тот факт, что сама «христианско-средневековая гносеология» не была единой, гомогенной и не мыслила себя таковой, но, наоборот, предполагала возможность разных способов познания мира, а через него — Творца, и на этом основании предлагала и даже предписывала и обосновывала неизбежность разных видов богопознания и разных способов много-ступенного обучения богопознанию с соответствующим им — отнюдь не единым и не универсальным — инструментарием. Так что при безу-

---

¹ Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVII–XIX веков // Античность как тип культуры: сб. статей / АН СССР, Науч. совет. по истории мировой культуры; отв. ред. А. Ф. Лосев. Москва: Наука, 1988. С. 310.

² Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд. АН СССР (Ленинградское отделение) 1958. С. 10; ср. Эко, Умберто. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.: Алетейя, 2003. (Серия «Библиотека средних веков»). Сс. 10, 48, 71.

³ Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры: sub specie aesthetika: в 2 т. ЦГНИИ ИНИОН РАН. М.; СПб.: Университет. книга, 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. С. 35.

⁴ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры: Сборник. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 58, 59.

⁵ Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 74.

⁶ Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М.: Языки славянских культур, 2007. (Studia philologica). С. 118.

⁷ Кусков В. В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1982. С. 10.

⁸ Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1987. С. 54.

словном единстве цели «христианско-средневековой гносеологии» (богопознание) способы её достижения были весьма разнообразными, подчас противостоящими друг другу, как, скажем, в противостоянии египетско-сирийско-афонской и палестино-студийской традиций в восточном монашестве (соответственно — Александрийской и Антиохийской школ в богословии); представителей так называемых интериорной (аскетической) и патристической (церковно-богословской) гносеологии; аналогистов и анималистов, эзотерической и типолого-исторической традиций в интерпретации Писания¹; паламитов и их оппонентов — религиозных гуманистов и т. д.

2. К методологическим «абберациям адекватности», существенно влияющим на качество преподавания гуманитарных дисциплин, относится и выбор критериев, по которым определяется объём культурно-исторического наследия восточнославянских народов. К примеру, весьма распространено и становится всё более популярным мнение, что к белорусской культуре относится только то, что создано непосредственно на территории современных белорусских земель либо выходцами из этих земель. Такое мнение основано на ошибочном неисторичном представлении, что тот или иной народ возникает чуть ли не в палеолите и существует во всей своей обособленной «нинакогонеподожести» и неповторимости, и поэтому начиная с глубокой древности можно изучать только формы, способы и направления культурных отношений между отдельными, издревле существующими народами. При таком подходе главным является, разумеется, следующее: во-первых, выявить неповторимое «своё», а во-вторых, — категорически отсечь «чужое». Однако действие это не только ошибочно (вообще говоря, ненаучно), но и объективно невозможно, так как история народов и их культур значительно сложнее этой примитивной дихотомии. Например, при таком категорическом «отсечении своего от чужого» белорусская культура утрачивает и прологовое Житие святого Кирилла Туровского, так как составлено оно в северо-восточной Руси и отнюдь не выходцем из белорусских земель, и Житие Антония, Иоанна и Евстафия Виленских, созданное на южнославянских землях, да и Житие преподобной Евфросинии Полоцкой, первоначальная, собственно Полоцкая, редакция которого не сохранилась, а те, что сохранились, созданы точно не на белорусских землях (кроме разве что Второй прологовой — относительно поздней и явно вторичной).

Очевидно, что такое «переосмысление» объёма культурного наследия разрушает представление о культурно-исторической преемствен-

---

¹ См.: Шнем Г. Г. Герменевтика и её проблемы. Ч. 1 // Контекст-1989. М.: Наука, 1989. С. 233.

ности, не позволяет увидеть культуuroгенез того или иного народа во всей его полноте, сложности и неповторимости. В частности, попытка сосредоточить внимание исключительно на «своём» нивелирует очень важные для культуuroгенеза в эпоху средневековья факторы — государственную и конфессиональную принадлежность, которые, собственно говоря, и формируют культуuroтворческую специфику того или иного народа, существенно влияют на культуuroтворческие процессы, если вообще не управляют ими.

Так, при описании культуuroгенеза белорусов при таком подходе остаётся неучтённым целый комплекс факторов:

1) культура западнорусских (нынешних белорусских) земель возникла и первоначально развивалась как органическая составляющая культуры *slavia orientalis* в лоне греко-византийской, восточно-христианской традиции, усваивая лучшие её достижения;

2) на протяжении XI–XVIII веков эта культура развивалась в условиях трёх сменивших друг друга государственных формирований — Киевской Руси, Великого княжества Литовского Руского и Жемойтского, Речи Посполитой, в результате чего претерпела мощное модифицирующее воздействие со стороны, во-первых, языческой (коренного балтского населения Великого княжества Литовского), а во-вторых, римско-католической (в её польской и чешской «редакциях») традиций;

3) даже в государственных (весьма подвижных!) границах Великого княжества Литовского довольно долго (до середины XV века) эта культура развивалась на канонической территории Киевской митрополии Константинопольского патриархата — образования в определённом смысле надгосударственного, в котором обеспечивалось единство духовной культуры всех народов *slavia orientalis*, несмотря на их разногосударственную принадлежность и уже сложившее к тому времени этническое своеобразие;

4) столкновение в одном государстве и последующее «врастание» друг в друга культурных традиций *slavia orthodoxa* и *slavia romana* привело к возникновению внутри польско-литовско-славянского государства «химерной композиции» — обречённого на гибель объединения несовместимых суперэтнических систем;

5) решающим фактором культуurnой самоидентификации славянского населения на белорусских землях в эпоху Средневековья и раннее Новое время была не этническая, не генетическая, не государственная, а конфессиональная принадлежность, что несомненно влияло на специфику культуurnого развития;

6) в самый ответственный фазис самоидентификации и формирования национальной культуры — переход от Средневековья к Новому

времени — восточнославянский этнос на белорусских землях пережил длительный период целенаправленной полонизации с сопутствующим ей окатоличиванием, в результате чего к моменту, когда европейские народы завершили создание национальных государств и национальных культур, славянское население белорусских земель было лишено такой возможности, утратив культурную элиту, а вместе с ней (к концу XVII века) — литературный язык (его место занял польский) и культурную традицию *slavia orientalis* (превалирующей стала западноевропейская культура);

7) в результате метисации и миксации, неизбежных в условиях «химерной композиции», возник новый этнос с новым стереотипом поведения и, следовательно, новым культуротворческим алгоритмом, который и лёг в основу формирования современной белорусской национальной культуры, представляющей собой сложную комбинацию модифицированных «фрагментов» культур *slavia orthodoxa* и *slavia romana*.

3. Методологически неверным представляется рассмотрение феноменов религиозной культуры отдельно от культа, их породившего. В частности, христианская книжность и иконопись изучается на курсах истории литературы и истории мировой культуры отдельно от святоотеческой теории творчества и теории художественного изображения (иконологии). А между тем в системе христианского вероучения понятие творчества имеет иные пределы, объём и содержание, осмысляясь в категориях не этико-эстетических и психологических, определяемых социальной средой, идеологическими установками и мировоззрением самого художника, как это происходит в секулярной культуре, но в категориях онтолого-гносеологических и литургико-сотериологических, получая своё обоснование в сфере христоцентричной антропологии. В святоотеческом учении художественное творчество представлено как неотъемлемая часть много-сложного процесса Богопознания-обожения-спасения; всякое иное творчество считается праздным, а то и прямо вредным занятием и не поощряется.

Игнорирование этих фактов приводит, например, к невозможности различать христианское просветительство, ренессансное просветительство, просветительство эпохи Просвещения и современное представление о просветительской деятельности. При этом термин «просвещение» употребляется в отношении разных культурно-исторических эпох в современном его понимании без всяких объяснений и уточнений. То же самое можно сказать о понятиях «духовность», «гуманизм», «реализм», «книга», «святость» и др.

Исправление отмеченных aberrаций, безусловно, требует времени и определённых усилий, чтобы преодолеть мощную инерцию привычки и освободиться от шор, которые привычно и уютно обезопасили наш взгляд на мир. Но только после «обратного перевода» учебные программы и учебники для всех ступеней современного гуманитарного образования действительно будут способствовать подготовке квалифицированных специалистов в этой области.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеевков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137